

Трустно и светло

Сначала я удивилась, увидев, как преобразился после редакторской правки данный мне для чтения текст: кое-что зачеркнуто, несколько слов и выражений заменено – и материал утратил официальную сухость, ожил. «Кто это правил?» – спросила я. Мне ответили, что у нас в радиокомитете появился новый редактор художественных передач Николай Благов. Он поэт, печатался в Москве, награжден там какой-то премией. В моем сознании тотчас же возник (не без влияния Блока, которым я тогда страстно увлекалась) поэтический образ: бледное и худое лицо в обрамлении черных кудрей, в глазах – нездешняя грусть. «Хорошо бы еще набросить плащ со звездами и нагнать голубого тумана». Удивило меня полное несоответствие реального облика Благова моим представлениям: здоровый, крепкий, размашистый, с румяным широким лицом, вздернутым носом, с добродушно-ироничной усмешкой и копной соломенных волос. И говорил он, по-волжски нажимая на «о». И стихи были под стать ему: крепкие, с запахом земли и леса, простые, как правда.

Мы проработали вместе около двух лет, в течение которых Благов еще не раз удивлял меня. Во-первых, своей непохожестью ни на кого. Ему претила ложь, он всегда был предельно искренен. Я впервые встретилась с такой внутренней свободой – от общепринятых правил, указок сверху, от самого быта, наконец. Квартиры у него тогда не было, и жил он прямо в радиокомитете, на редакционном столе и спал, постелив на него кипу газет. Питался, кажется, «как птицы, даром божьей пищи».

По вечерам, после работы мы иногда выходили вместе и, не глядя на дорогу и запойно читая друг другу стихи, забредали порой куда-нибудь на склон Волги или на опушку леса. Тогда с удивлением оглядывались, смотрели на небо и начинали сочинять какой-нибудь сюжет на тему картинок, которые виделись нам в узоре вечерних облаков. Помню сюжет о ковбое, такой свободный, вольный, он едет по бескрайней степи, а вокруг – только солнце и ветер, и никто ему больше не нужен, и никакой груз не тяготит... Но Николай быстро спускал меня с романтических высот, на которые я все порывалась. Высмеивал мое «эстетство и кокетство», он восклицал с укором: «Ох, Элеонора, сколько у тебя слов и улыбок!» И читал свои стихи о девушке-невесте, губы которой «ал зари отпили, улыбнулись губы только одному».

Девушка, по его мнению, должна быть недосыгаемой звездой на небе, а на земле – в белоснежном платье, и чтоб ни одного пятнышка на нем, ни метафорического, ни реального.

Еще удивляла меня его способность к импровизации. Он мог ради тренировки найти десяток рифм к моему сложному имени, и в результате получался шуточный мадригал. А мог сходу выдать эпиграмму. Например, такую:

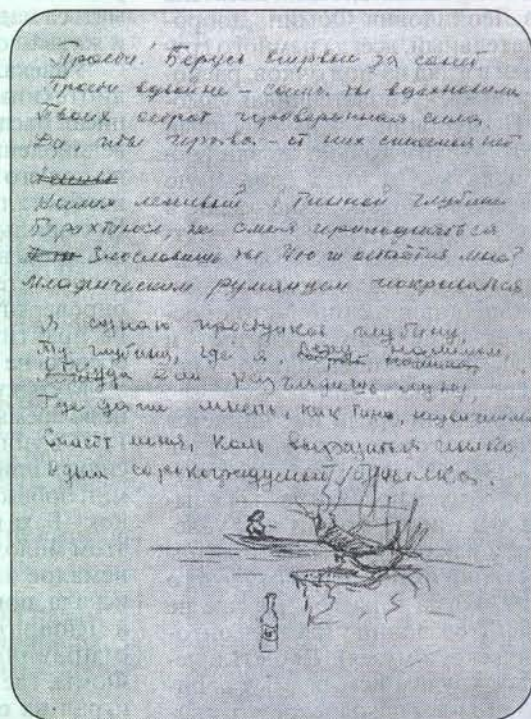
*Она наш диктор идеальный.
Слова, как музыка, легки.
Заслушались на ферме дальней
Производители-быки.*

Я предлагала ему написать лучше что-нибудь изысканное. «Например?» «Ну, не знаю... Например, сонет, триолет». Он усмехался и тут же начинал писать, вкладывая в изысканную форму нарочито сниженное содержание и иллюстрируя написанное соответствующими рисунками.

*Прости! Берусь впервые за сонет.
Прости вдвойне – сама ты вдохновила,
Твоих острог проверенная сила.
Да, ты права: от них спасенья нет.
Налим ленивый в тинной глубине
Барахтаюсь, не смея приподняться –
Злословишь ты. Что ж остается мне?
Младенческим румянцем заливаться.
Я признаю проступков глубину,
Ту глубину, где я лежу налимом,
Откуда еле разглядишь луну,
Где даже мысль, как тина, недвижима.
Спасет меня, коль выразиться пылко,
Одна сорокоградусной бутылка.*

Последние строки – явно для эпатажа, снижения «высокого стиля». У меня сохранилось несколько таких написанных им шуточных стихотворений со смешными рисунками. Смотреть на них и грустно и светло.

Элеонора Денисова

Автограф Благова с упомянутыми выше стихами и рисунком